

Бокова О. А.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦЕННОСТНОГО КОМПОНЕНТА КОНЦЕПТА "ХЛЕБ-BREAD" В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/7.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 28-30. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦЕННОСТНОГО КОМПОНЕНТА КОНЦЕПТА
«ХЛЕБ-BREAD» В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Бокова О. А.

Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета

В современной лингвокультурологии наблюдается устойчивый интерес к термину «концепт». К концу XX-началу XXI вв. наметились два основных подхода к изучению концептов: лингвокультурологический (С. Х. Ляпин, Ю. С. Степанов, А. Н. Красавский, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин) и лингвокогнитивный (Н. Д. Арутюнова, Д. С. Лихачев, А. П. Бабушкин, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин).

Данное исследование выполнено в русле лингвокультурного подхода к изучению данного термина. Концепт «как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида», т.е. «лингвокультурный концепт - это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [Карасик, 2002, с. 139].

Выступая в качестве базовых, опорных элементов языка, концепты объединяют представителей определенной лингвокультуры, обеспечивая основу взаимопонимания между ними через «сгустки культуры» [Степанов, 1997, с. 40], в которых воплощается менталитет народа. Язык, выступая своеобразной частью национальной культуры, концептуализирует и отражает все ее элементы, косвенно репрезентируя национальные формы жизни народа и его психологию. Языковое сознание представляет собой сложное образование, отражающее как особенности индивидуального мировидения говорящих, так и специфику национального менталитета, закреплённые в культурно-этнических языковых стереотипах. Различные языковые образования (поговорки, пословицы, метафоры, фразеологизмы) и символы культуры являются ценным источником сведений о культуре и менталитете народа.

Наряду с языковой картиной мира объективно выделяется ценностная картина мира, в которой существуют наиболее значимые для данной лингвокультуры концепты, культурные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, фиксируемый и сохраняемый в языке [Карасик, 2002].

Целью данной статьи является изучение особенностей лингвистической репрезентации концепта «хлеб» в английской и русской лингвокультурах.

Концепт «хлеб» является «константой» английской культуры, т.е. «концептом, существующим постоянно или, по крайней мере, очень долгое время как некий постоянный принцип культуры» [Степанов, 1997, с. 76]. Данный концепт представляет собой результат многовекового культивирования хлебных злаков и их практического применения английским этносом. Содержанием исследуемого концепта являются исторически сложившиеся и культурно обусловленные в английском сознании представления, ассоциации, понятия, оценки относительно денотата «хлеб» и его характеристик.

Рассмотрим ценностный компонент концепта Bread в английской лингвокультуре.

Многие исследователи в области концептологии (Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик и др.) считают ценностный компонент доминирующим, акцентируя при этом факт «оценивания» фрагмента действительности в качестве показателя существования концепта. Если фрагмент действительности получил аксиологическое осмысление в сознании носителей языка, то можно говорить о формировании нового концепта.

Такой древний концепт, как Bread, не мог ни закрепиться в сознании носителей языка. Его ценностная составляющая отражает весь комплекс сложных и противоречивых аксиологических установок и ориентиров, идеалов и моральных импликаций. Проанализируем паремиологический и фразеологический фонд языка, закрепивший в себе данные установки.

Народ-носитель языка использует свои знания о свойствах и признаках хлеба, опыт выращивания хлебных злаков для характеристики и оценки поведения человека, его психического состояния, поступков, деятельности и отношения к другим людям. Во фразеологизмах и паремиях англичане зафиксировали свои этнические представления о положительных и отрицательных чертах личности человека. Посредством языковых единиц данного концепта создается образ идеального англичанина, например, бескорыстного (*to quarrel with one's bread and butter - действовать вопреки своей выгоде*). Фразеологизмы, содержащие отрицательную оценку отдельных черт характера человека, например, корысти (*know which side your bread is buttered - знать свою выгоду, быть себе на уме, учитывать свои интересы; губа не дура, знает, что сладко; cast your bread upon the waters - делать что-л. с дальним прицелом*), жестокости (*to take the bread out of smb.'s mouth - отбивать хлеб у кого-л.*), лени (*to eat the bread of idleness - вести праздную жизнь*), сумасбродства (*off one's crust - сляпавший, чокнутый*), хитрости (*take the biscuit - разг. Занять первое место, выйти на первое место, превзойти других*) дополняют этот образ.

Обратившись к анализу отрывков из художественной литературы, мы обнаруживаем, что наряду с положительным отношением к хлебу в сознании англичан закреплено и отрицательное: хлеб мыслится как скудная пища, едва способная поддерживать существование; гроши, на которые едва можно жить и выживать.

“If she had held it open a little longer, I believe I should have begged *a piece of bread*; for I was now brought low” [Brontë, 1978, p. 334].

“<...> I crept down a stone staircase with the aid of the banisters, to a narrow low passage, and found my way presently to the kitchen.

It was full of *the fragrance of new bread* and the warmth of a generous fire. Hannah was baking. Prejudices, it is well known, are most difficult to eradicate from the heart whose soil has never been loosened or fertilised by educa-

tion: they grow there, firm as weeds among stones" [Ibidem, p. 412].

"That night, on going to bed, I forgot to prepare in imagination the Barmecide supper of hot roast potatoes, or *white bread and new milk*, with which I was wont to amuse my inward cravings <...>" [Ibidem, p. 70].

Важным аспектом ценностного компонента концепта Bread является мотивационная ценность хлеба. Его наличие является высшим благом. Отсутствие хлеба заставляет человека чувствовать себя ничтожным, бедным, несчастным, это причиняет ему боль, страдание, он постоянно думает о своей никчемности и беспомощности:

"I had *one morsel of bread* yet: the remnant of a roll I had bought in a town we passed through at noon with a stray penny - my last coin. I saw ripe bilberries gleaming here and there, like jet beads in the heath: I gathered a handful and ate them with the bread. My hunger, sharp before, was, if not satisfied, appeased by this hermit's meal. I said my evening prayers at its conclusion, and then chose my couch" [Ibidem, p. 333].

Таким образом, будучи ключевым компонентом национальной культуры, концепт Bread является мерилем ценностей данного этноса, отражает важнейшие категории, ориентиры и установки жизненной философии народа-носителя языка.

Рассмотрим ценностную составляющую концепта Хлеб в русской лингвокультуре.

В сознании наивных носителей языка хлеб представлен как сложное понятие. Фразеологизмы и паремии концепта Хлеб отражают морально-нравственные нормы и поведенческие ориентиры русского этноса и играют важную роль в выявлении национально-культурной специфики языкового выражения этого фрагмента картины мира. В основу метафоризации положены народные представления о хлебе как о неотъемлемом, сакральном, продукте питания (*Гречневая каша - матушка наша, а хлебец ржаной - отец наш родной; Ржаной хлеб - всему голова*) и ассоциации различных жизненных ситуаций с поведением народа-хлебопашца на просторах родной земли (*Кто ворует, тот горюет, а мы живем - хлеб-соль жуём; Летом хлеб собирай, зимой - навоз; Рано вставать - много хлеба добывать, а долго спать - долг наспать*). Народ-носитель языка использует свои знания о свойствах хлеба, опыт проживания на просторных землях для оценки и характеристики человека, его деятельности, поступков, отношения к людям и психического состояния. Во фразеологизмах и паремиях русские зафиксировали свои этнические представления о положительных и отрицательных чертах личности человека. Посредством данных единиц языка создается обобщенный образ идеального русского человека - находчивого (*Проголодаешься, так хлеба достать догадаешься*), бережливого (*Ешь пироги, а хлеб вперед береги*), опытного (*тертый калач*), признательного (*Хорош тот, кто поит да кормит, а и тот не худ, кто хлеб-соль помнит; Чье хлеб ем, того и вем; и то хлеб*), честного (*И рад бы душой, да хлеб-эт чужой*), трудолюбивого (*свой хлеб есть*), гостеприимного, дружелюбного (*Русский человек хлеб-соль водит*), отважного (*Это нам нипочем: закусывай калачом*), запасливого (*Поезжай на неделю, а хлеба бери на две; Блюда хлеб про еду, а копейку про беду; Кинь калач на лес, назад пойдешь - найдешь*), опрятного (*Хозяюшка в дому - оладышек в меду*). Паремии и фразеологизмы, содержащие отрицательную оценку отдельных черт характера человека, например зависти (*Хожу да люблюсь на соседнину рожь*), неблагодарности (*Забыл ты мою хлеб-соль; Близорук - через хлеб да пирог*), лени (*Легко за готовым хлебом на полатах спать; Хочется пирожок съесть, да не хочется в подполье лезть; Живет - хлеб жуует, спит - небо коптит; Кто толчет, тот и хлеб печет*), лживости (*Врет, что блины печет: только шипит*), наглости (*Его хлебом не корми, а сделай то и то; хлеб отбить (отнять) у кого-либо*), глупости (*От сына дурака не хлебы, а колоба; Хороша бы хлеб-соль, да одни корочки*), вносят разнообразие в этот образ.

Будучи ключевым компонентом национальной культуры, концепт Хлеб является мерилем ценностей русского этноса, отражает важнейшие категории, ориентиры и установки жизненной философии народа-носителя языка.

Проанализировав ценностную составляющую концепта Хлеб-Bread, мы пришли к выводу о том, что, как и в русском, так и в английском языковом сознании закреплено и положительное отношение к хлебу как богатству, высшему благу, и отрицательное - как скудной пище, обозначающей бедственное положение. Кроме того, в данном концепте в обеих лингвокультурах нашли свое отражение морально-нравственные нормы и поведенческие установки обоих этносов, четко зафиксированы национальные представления о положительных и отрицательных чертах личности русского и англичанина. Причем, в английской концептосфере преобладают единицы языка, выражающие негативные черты характера, в то время как в сознании носителя русского языка соотношение положительных и отрицательных черт практически одинаково.

Список использованной литературы

1. Даль В. И. Пословицы русского языка. М., 2000. 616 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: ОКСМО-ПРЕСС, 2000. 736 с.
3. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 390 с.
5. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. Ок. 5000 единиц. 8-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2007. 571 с.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для вузов. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений.

4-е изд., дополненное. М.: Российская академия наук; Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1998. 944 с.

8. **Словарь употребительных английских пословиц:** 326 статей / М. В. Буковская, С. И. Вяльцева [и др.]. 2-е изд., стереотип. М., 1988. 240 с.

9. **Слышкин Г. Г.** Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2004. 339 с.

10. **Brontë C.** Jane Eyre. Ldn., 1978.

11. **Cambridge advanced learner's dictionary (CALD)** [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.cambridge.org>

12. **Collins cobuild dictionary of idioms (CCDI).** Ох.: OUP, 2004. 751 p.

13. **Oxford advanced learner's dictionary of current English (OALDCE).** 6th edition. Ох.: OUP, 2000. 1541 p.

14. **Oxford collocations dictionary for students of English.** 7th impression. Ох.-N.Y.: OUP, 2005. 897 p.

15. **Oxford idioms dictionary for learners of English.** 1st impression. Ох.: OUP, 2001. 465 p.

16. **Thackeray W. M.** Vanity fair. Pocket library, 1958.

НАИМЕНОВАНИЯ ЯМ АНТРОПОГЕННОГО ХАРАКТЕРА, ЗАПОЛНЕННЫХ ВОДОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРЛОВСКИХ ГОВОРОВ)

Бурко Н. В.

Орловский государственный аграрный университет

Ямы на поверхности земли могут быть различного происхождения. Одни образуются естественным путем в результате воздействия природных сил, когда почвенный покров разрушается водой, ветром, происходит перемещение продуктов разложения и их переотложение. Другие имеют антропогенный характер, то есть появились в результате деятельности человека.

Живя на Земле, человек не может не оказывать воздействия на окружающий мир, в том числе и на рельеф местности. В результате неразумного хозяйствования человека на Земле происходит замеление рек и водоемов, нарушается растительный покров при выпасе скота и, как следствие, усиливается эрозия почв, которая превращает сельскохозяйственные угодья в неудобные земли и т.д. Это, так называемый, стихийно возникающий антропогенный рельеф. Подчиняя природу своим хозяйственным целям, человек осушает болота и заболоченные места, прорывает каналы, строит дамбы, сооружает насыпи и т.п., то есть в большей или меньшей степени влияет на структуру отдельных форм рельефа (в этом случае говорят о сознательном преобразовании рельефа).

«При сегментации окружающей действительности в сознании диалектоносителя основополагающей позицией является актуальность / неактуальность для человека самой реалии, что отражается в её номинациях» [Бахтиярова, 2007, с. 83]. В данной работе мы обращаемся к вопросу номинации в орловских говорах таких отрицательных форм микрорельефа местности (ям), при восприятии которых в качестве актуальных выступают признаки "характер образования географического объекта" и "наличие воды в географическом объекте". Мы рассмотрим наименования ям антропогенного характера, заполненных водой, в сопоставлении с литературным языком и другими народными говорами, что позволит выявить специфику языковой картины мира носителей орловских диалектов.

Сема "специально выкопанная, вырытая" актуализируется в орловских говорах в значении слов **копань, копанка, копанюшка, копачка, заройка, сажалка, сажелка, сажилка, саженка, бочаг**.

Выкапывали подобные ямы для собирания грунтовых, талых, дождевых вод и использовали для различных хозяйственных надобностей: мочки льна и конопли, поливки овощей и пр.

Наиболее отчетливо указание на искусственное происхождение реалии содержится в словах с корнем *коп-*, образованных от глагола **копать** "вынимая, выбрасывая землю, делать углубление, выемку; рыть". [МАС, 1981, т. 1, с. 99].

В «Материалах для словаря древнерусского языка» Н. Н. Срезневского [МСДрЯ, 1958, т. 1, ст. 1228] лексема **копань** определяется как "ров", а с XVII в. у данного слова отмечается значение "яма, вырытая для скопления воды; копанный колодец" [СРЯ, 1980, вып. 7, с. 292].

В русских народных говорах апеллятив **копань** имеет достаточно широкий ареал и семантический диапазон, в котором амплитуда географических значений достаточно велика.

В живых орловских говорах слово **копань** "выкопанная яма, заполненная водой" распространено повсеместно [СОГ, 1992, вып. 5, с. 78] - *Копънь - яма, там вада, кънапи мочуть* (Урицкий р-н). *И-их девки, и чаво с той тинькой ни дельли: и в къпанях мачили, чисали* (Кромской р-н). *Гусей атагналь на копънь, штоп на гарот ни лезли* (Малоархангельский р-н). *Иди пълъласкай бильё у копани* (Покровский р-н). *Мы на агароди копънь вырыли* (Троснянский р-н).

С подобным значением "яма, ров, выкапываемые для собирания дождевых или грунтовых вод с различными хозяйственными целями (мочка льна или конопли, поливка овощей и т.п.)" апеллятив **копань** отмечен в курских, брянских, ростовских говорах [СРНГ, 1978, вып. 14, с. 284]. В орловских же, а также соседних курских, тульских говорах с таким же значением зафиксирован морфологический вариант лексемы - **копань(-я)** м.р. [Там же, с. 281].

В ленинградских, московских, брянских, свердловских, Кировских, сибирских говорах **копань** (ж.р.) - "яма, канава", в рязанских говорах - "отводная канава от реки или озера, которую зимой покрывают досками, сеном, засыпают снегом; в неё заходит рыба", в воронежских говорах - "яма, вырытая на меже" [Там же, с. 284]. Как видим, в большинстве говоров в семантике слова содержится указание на функциональное ис-